

МУЗЫКА ВРЕМЕНИ, СУДЬБЫ, ЛЮБВИ

К 135-ЛЕТИЮ А. А. БЛОКА (1880–1921)

ПАМЯТИ Е. Ю. КУЗЬМИНОЙ-КАРАВАЕВОЙ (1891–1945)

MUSIC OF THE TIME, FATE, LOVE

BY THE 135TH ANNIVERSARY OF A. A. BLOK (1880–1921)

IT IS DEVOTED TO MEMORY OF E. Y. KUZMINA-KARAVAEVA (1891–1945)

КУТЬЁВА ЛАРИСА ВАЛЕНТИНОВНА / KUTYOVA LARISA VALENTINOVNA

кандидат педагогических наук, член Союза журналистов России (Москва)
Ph. D., member of the Union of the journalists of Russia (Moscow)

Ключевые слова: поэт, символизм, лирическое стихотворение, белый стих, Серебряный век, декадент, мемуарная проза.
Keywords: poet, symbolism, lyrical poem, blank verse, the Silver Age, decadent, memoir prose.

Аннотация. Материал знакомит читателя с историей двух лирических стихотворений-писем А. Блока, адресованных юной Е. Ю. Кузьминой-Караваевой. Отрывки из воспоминаний Елизаветы Юрьевны являются не только литературным и историческим комментарием к ее взаимоотношениям с поэтом, но и достоверным изображением эпохи. В комментариях и ссылках — дополнительная информация о значительных исторических фактах и ярких представителях российской культуры первой половины XX века.

Annotation. The material acquaints the reader with the story of two lyric poems-A. Blok letters addressed to a young E. Y. Kuzmina-Karavaeva. Excerpts from the memoirs of Elizabeth Yurievna are not only literary and historical commentary on her relationship with the poet, but also a faithful image of the era. Comments and references — additional information on significant historical facts and the brightest representatives of Russian culture of the first half of the XX century.

Поэзия Александра Блока вдохновляла многих выдающихся композиторов на создание вокальных произведений. Однако в их числе не оказалось удивительно лиричных стихотворений-писем, адресованных Елизавете Кузьминой-Караваевой. И дело, конечно же, не только в том, что жанр письма предполагает сокровенность, которую не следует нарушать посторонним, и не в том, что в блоковских поэтических посланиях отсутствовал рифма,— это белые стихи.

И поэзия, и проза, и публицистика — все написанное Блоком уже наполнено Музыкой — времени, судьбы, любви...

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном... —

этими словами начиналось стихотворение молодого Александра Блока, отправленное в письме гимназистке Лизе Пиленко.

Е. Ю. Пиленко, в первом браке — Кузьмина-Караваева, во втором — Скобцова, в монашестве — мать Мария,— поэт Серебряного века, писатель, художница, философ, человек с необычной судьбой, с жизнью, сгоревшей в огне.

Встреча в 1906 г. с А. Блоком, влюбленность в него и его поэзию стали началом многолетней возвышенной и романтической любви к поэту. Остались письма, мемуары, стихи, неоконченная поэма¹.

«Есть у меня одна радость: знать, что я Вас люблю, что я видела Вас и, может быть, еще увижу, что я могу думать о Вас», — признается Елизавета Кузьмина-Караваева Блоку в 1914 году. «Мой дорогой, любимый мой, после Вашего письма я не знаю, живу ли я отдельной жизнью, или все, что “я”, — это в Вас уходит. Все силы, которые есть в моем духе: воля, чувство, разум, все желания, все мысли, — все преображено воедино и все к Вам направлено», — пишет в 1916-м. Блок отвечал на эти признания пониманием, дружбой, но главное — ответил стихами, в которых слова «такая измученная», как и многие блоковские слова, оказались пророческими.

В 1919 году Кузьмина-Караваева (Скобцова) с семьей навсегда покидает Россию. В эмиграции ее ждут тяжелые испытания и самое страшное — смерть дочерей Нasti и Гаяны. В конце 20-х годов Елизавета Скобцова сближается с русскими религиозными философами Николаем Лосским, Николаем Бердяевым, Сергеем Булгаковым, участвует в создании Православного богословского института в Париже. В 1927 году выходит ее книга «Жатва духа. Жития святых», в 1929 — монографические очерки об Алексее Хомякове, Владимире Соловьеве и Федоре Достоевском.

В 1932 году Елизавета Юрьевна принимает монашеский постриг и новое имя — мать Мария, но не уходит от мирской жизни, а остается «монахиней в миру»: организует приют для бездомных, читает лекции, продолжает писать стихотворения, рисовать.

«На Страшном суде меня не спросят, успешно ли я занималась аскетическими упражнениями и сколько я положила земных и поясных поклонов, а спросят: накормила ли я голодного, одела ли голого, посетила ли больного и заключенного в тюрьме», — говорила мать Мария. И еще: «Путь к Богу лежит через любовь к человеку, и другого пути нет». Поэтому, когда фашисты входят в Париж, она становится участницей движения Сопротивления: отправляет посылки заключен-

ным, спасает бежавших советских военнопленных, укрывает евреев — за это посмертно получит титул Праведницы мира, диплом которого хранится в Иерусалиме.

В праведных делах матери Марии помогал сын Юрий Скобцов — гестаповцы сначала, 8 февраля 1943 года, арестовали его. А на следующий день за укрывательство евреев была арестована и затем отправлена в концлагерь Равенсбрюк² и Елизавета Юрьевна.

Мать Мария погибла 31 марта 1945 года, по одной из версий, добровольно пошла в газовую печь вместо другой узницы, — сгорела в жертвенном огне.

1 мая 2004 года Константинопольская Православная Церковь причислила русскую монахиню к лику святых.

Монахиня Мария

Встречи с Блоком³

Тридцать лет тому назад, летом 1906 г., в моей жизни произошло событие, после которого я стала взрослым человеком. За плечами было только четырнадцать лет, но жизнь того времени быстро выросла нас. Мы пережили японскую войну и революцию, мы были поставлены перед необходимостью спешно разобраться в наших детских представлениях о мире и дать себе ответ, где мы и с кем мы. Впервые в сознание входило понятие о новом герое, имя которому — Народ. Единственно, что смущало и мучило, это необходимость дать ответ на самый важный вопрос: верю ли я в Бога? И есть ли Бог? <...>.

² Узница концлагеря А. С. Губаревская вспоминает: «Равенсбрюк был окаймлен большой каменной стеной, по которой шел ток высокого напряжения. Из этого лагеря никто никогда не убежал... Дисциплина в лагере была палочная, за каждый проступок избивали, издевались, газировали, жгли, была стена расстрела, электрический стул, бункер (тюрьма в тюрьме), газкамера и крематорий. В лагере содержалось и мучилось 132 000 женщин и детей из 23 стран Европы» (Цит. по «...Крестом отмеченные латы...» /Авт. и сост. З. Н. Лемякина. — Анапа: Анапский археологический музей, 2010).

³ «Встречи с Блоком» написаны в Париже к пятилетию со дня смерти поэта и были опубликованы впервые в журнале «Современные записки» № 62, 1936 г.

¹ Кузьмина-Караваева писала о Блоке в мемуарах «Встречи с Блоком» (1936). Блок стал прообразом главного героя ее неоконченной поэмы-мистерии «Мельмот-скиталец».

В классе моем увлекались Андреевым¹, Комиссаржевской², Метерлингом³. Я мечтала встретить настоящих революционеров, которые готовы каждый день пожертвовать своей жизнью за народ. <...> Я бродила часами, учиться было почти невозможно, писала стихи, места себе не находила. Смысла не было не только в моей жизни, во всем мире безнадежно утрачивался смысл.

Осенью опять рыжий туман...

Родные решили выбить меня из колеи патетической тоски и веры в бессмыслицу. Была у меня двоюродная сестра, много старше меня. <...> Я была для нее «декадентка». По доброте душевной она решила заняться мной. И заняться не в своем, а в моем собственном духе.

Однажды она повезла меня на литературный вечер какого-то захолустного реального училища, куда-то в Измайловские роты. <...> Читают стихи поэты-декаденты. Их довольно много. Один высокий, без подбородка, с огромным носом и с прямыми прядями длинных волос, в длиннополом сюртуке, читает весело и шепеляво. Говорят, это Городецкий⁴.

¹ Леонид Николаевич Андреев (1871–1919) — русский писатель Серебряного века, родоначальник русского экспрессионизма. Автор рассказов («Баргамот и Гарасья», «Ангелочек», «Петя на даче», «Рассказ о семи повешенных» и др.), повестей и романов («Жизнь Василия Фивейского», «Иуда Искариот», «Дневник Сатаны» и др.), драматических произведений («К звездам», «Жизнь человека» и др.).

² Вера Федоровна Комиссаржевская (1864–1910) — русская актриса. Родилась и первые выступила на сцене в С.-Петербурге. Играла в спектаклях Общества искусства и литературы (Москва), руководимого К. С. Станиславским. Сыграла около 60 ролей: Ларису Огудалову («Бесприданница» Островского), Луизу («Коварство и любовь» Шиллера), Софью («Горе от ума» Грибоедова), Клерхен («Гибель Содомы» Зудермана) и др.

³ Морис Полидор Мари Бернар Метерлинк (1862–1949) — бельгийский писатель, драматург и философ. Автор известной философской пьесы-притчи «Синяя птица». Лауреат Нобелевской премии по литературе (1911).

⁴ Сергей Митрофанович Городецкий (1884–1967) — русский и советский поэт. В 1900-е гг. учился в С.-Петербургском университете одновременно с А. Блоком. Писал символистские произведения с фольклорным уклоном. В 1912 г. стал одним из организаторов Цеха поэтов. С 1921 г. жил в Москве, переводил поэзию народов СССР, работал в Театре Революции, в газете «Известия». Написал новый вариант либретто оперы Глинки «Жизнь за царя». В 1958 г. опубликовал автобиографический очерк «Мой путь».

Другой — Дмитрий Цензор, лицо не запомнилось. Еще какие-то, не помню. И еще один.

Очень прямой, немного надменный, голос медленный, усталый, металлический.

Темно-медные волосы, лицо не современное, а будто со средневекового надгробного памятника, из камня высеченное, красивое и неподвижное.

Читает стихи, очевидно, новые: «По вечерам, над ресторанами...» — «Незнакомка» — и еще читает.

В моей душе — огромное внимание. Человек с таким далеким, безразличным, красивым лицом. Это совсем не то, что другие. Передо мной что-то небывалое, головой выше всего, что я знаю. Что-то отмеченное... В стихах много тоски, безнадежности, много голосов страшного Петербурга, рыжий туман, городское удушение. Они не вне меня, они поют во мне самой, они как бы мои стихи. Я уже знаю, что он владеет тайной, около которой я брожу, с которой почти сталкивалась столько раз во время своих скитаний по островам этого города.

Спрашиваю двоюродную сестру: «Посмотри в программе, кто это?». Отвечает: «Александр Блок».

В классе мне достали книжечку. На первой странице картинка: молодой поэт, вырывается на какие-то просторы. Стихи непонятные, но пронзительные, от них никуда мне не уйти: «Убей меня, как я убил когда-то близких мне. Я все забыл, что я любил, я сердце выюгам подарил...»

Я не понимаю... но и понимаю, что он знает мою тайну. Читаю все, что есть у этого молодого поэта. Дома окончательно выяснено: я — декадентка⁵. Я действительно в небывалом мире. Сама пишу, пишу о тоске, о Петербурге, о подвиге, о народе, о гибели, еще о тоске и ... о восторге!

Наконец все прочитано, многое запомнилось наизусть, навсегда. Знаю, что он мог бы мне сказать почти заклинание, чтобы справиться с моей тоской. Надо с ним поговорить. Узнаю адрес: Галерная, 41, кв. 4.

...Не застаю — дождусь. Опять дома нет. Ну, что ж, решено, буду ждать. Некоторые подробности квартиры удивляют. В маленькой комнате почему-то огромный портрет Менделеева. Что он, химик, что ли? В кабинете вещей немного, но все большие вещи. Порядок образцовый. На письменном столе почти ничего не стоит.

⁵ Декадент (-ка) — представитель декадентства. Декадентство в конце XIX — начале XX веков — общее название нереалистических направлений в литературе и искусстве, характеризующихся настроениями упадка, утонченным эстетизмом и индивидуализмом.

Жду долго. Наконец звонок. Разговор в передней.

Входит Блок.

Он в черной широкой блузе с отложным воротником, совсем такой, как на известном портрете. Очень тихий, очень застенчивый.

Я не знаю с чего начать. Он ждет, не спрашивает, зачем пришла. Мне мучительно стыдно, кажется всего стыднее, что, в конце концов, я еще девочка, и он может принять меня не всерьез. Мне скоро будет пятнадцать, а он уже взрослый, — ему, наверное, двадцать пять.

Наконец собираюсь с духом, говорю все сразу: «Петербург не люблю, рыжий туман ненавижу, не могу справиться с этой осенью, знаю, что в мире тоска, брожу по островам часами, и почти, наверное, знаю, что Бога нет». Все это одним махом выкладываю.

Он спрашивает, отчего я именно к нему пришла? Говорю о его стихах, о том, как они просто вошли в мою кровь и плоть, о том, что мне кажется, что у него ключ от тайны, прошу помочь.

Он внимателен, почтителен и серьезен, он все понимает, совсем не поучает и, кажется, не замечает, что я не взрослая.

Мы долго говорим. За окном уже темно. Вырисовываются окна других квартир. Он не зажигает света. Мне хорошо, я дома, хотя многого не могу понять. Я чувствую, что около меня большой человек, что он мучается больше, чем я, что ему еще тоскливее, что бессмыслица не убита, не уничтожена. Меня поражает его особая внимательность, какая-то нежная бережность. Мне этого большого человека ужасно жалко. Я начинаю его осторожно утешать, утешая и себя одновременно.

Странное чувство. Уходя с Галерной, я оставила часть души там.

Это не полудетская влюбленность и забота. А наряду с этим сердцу легко и радостно. Хорошо, когда в мире есть такая большая тоска, большая жизнь, большое внимание, большая, обнаженная, зрячая душа.

Через неделю получаю письмо, конверт необычайный, ярко-синий. Почерк твердый, не очень крупный, но широкий, щедрый, широко расставлены строчки. В письме есть стихи: «Когда Вы стоите передо мной... Все же я смею думать, что Вам только 15 лет». Письмо говорит об умерших, что ему кажется, что я еще не с ними, что я могу найти какой-то выход, может быть, с природой в соприкосновении, с народом: «Если не поздно, то бегите от нас умирающих». Письмо из Ревеля, — уехал гостить к матери.

Не знаю, отчего я негоую. Бежать — хорошо же. Рву письмо и синий конверт рву. Кончено. Убежала. Так и знайте, Александр Александрович, человек, все понимающий, понимающий, что значит бродить без цели по окраинам Петербурга и что значит видеть мир, в котором Бога нет.

Вы умираете, а я буду бороться со смертью, со злом и за Вас буду бороться, потому что у меня к Вам жалость, потому что Вы вошли в мое сердце и не выйдете из него никогда.

...В 1910 году я вышла замуж. Мой муж их петербургской семьи, друг поэтов, декадент по своему существу, но социал-демократ, большевик¹.

Семья профессорская, в ней — культ памяти Соловьева и милые житейские анекдоты о нем.

Ритм нашей жизни нелеп. Встаем около трех дня, ложимся на рассвете. Каждый вечер с мужем бываем в петербургском МИРЕ. Или у Вячеслава Иванова на «Башне»², куда нельзя приехать раньше двенадцати — часа ночи, или в «Цехе поэтов»³, или у Городецкого и т. д.

Непередаваем этот воздух 1910 года. Думаю, не ошибусь, если скажу, что культурная, литературная, мыслящая Россия была совершенно готова к войне и революции.

В этот период смешалось все. Апатия, уныние, упадочничество — и чаяние новых катастроф и сдвигов. Мы жили среди огромной страны, словно на необитаемом острове. Россия не знала грамоту — в нашей среде сосредоточилась вся мировая культу-

¹ Е. Пиленко 19.02.1910 г. венчалась с Д. В. Кузьминым-Караваевым.

² Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949) — русский поэт-символист, философ, переводчик, драматург, литературный критик, доктор филологических наук, один из идейных вдохновителей Серебряного века, мэтр и теоретик символизма. В его петербургском доме на Таврической улице, 25 (ныне 35), известном как «башня», т. к. квартира находилась в угловом выступе последнего этажа, устраивались т. н. «ивановские среды» — самый известный литературный салон н. XX в.

³ Цех поэтов — название нескольких поэтических объединений, существовавших в начале XX века в Санкт-Петербурге, Москве, Тбилиси, Баку, Берлине и Париже. Первый российский «Цех поэтов» был основан Гумилевым и Городецким в 1911 г. и просуществовал до 1914 г. В «Цехе» состояли Ахматова, Мандельштам, Нарбут, Кузьмина-Караева, Лозинский, Кузмин, Пяст, Алексей Толстой и др.

ра. Цитировали наизусть греков, увлекались французскими символистами, считали скандинавскую литературу своею, знали философию и богословие, поэзию и историю всего мира. В этом смысле мы были гражданами вселенной, хранителями культурного великого музея человечества. Это был Рим времен упадка!

Мы не жили, мы созерцали все самое утонченное, что было в жизни, мы не боялись никаких слов, мы были в области духа циничны и нецеломудренны, а в жизни вялы и бездейственны. В известном смысле мы были, конечно, революция до революции — так глубоко, беспощадно и гибельно перекапывалась почва старой традиции, такие смелые мосты перебрасывались в будущее. И вместе с тем эта глубина и смелость сочетались с неизбывным тлением, с духом умирания, призрачности, эфемерности. Мы были последним актом трагедии-разрыва народа и интеллигенции. За нами простиралась снежная все-российская пустыня, скованная страна, не знающая ни наших восторгов, ни наших мук, не заражающая нас своими восторгами и муками.

Помню одно из первых наших посещений «Башни» Иванова. Вся Россия спит. Полночь. В столовой много народа. Наверное, здесь нет ни одного обывателя, человека вообще или просто человека. Мы не успели еще со всеми поздороваться, а уже Мережковский¹ кричит моему мужу: «С кем Вы: с Христом или с антихристом?!». И спор продолжается. Я узнаю, что Христос и революция неразрывно связаны, что Революция — это раскрытие Третьего Завета <...>

А гроза приближалась, Россия — немая и мертвая. Петербург, оторванный от нее, как бы оторванный от берега и обезумевшим кораблем мчавшийся в туманы и на гибель. Он умирал от отсутствия подлинности, от отсутствия возможности говорить просто и жить просто. Никакой вообще революции и никаких революционеров в природе этого города не оказалось. А была только петербургская ночь.

Удушие. Рыжие туманы.

Тоска не в ожидании рассвета, а тоска от убеждения, что никакого рассвета уже никогда не будет.

Таков был фон, на котором происходили редкие встречи с Блоком.

Вся их серия — второй период нашего знакомства.

¹ Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865—1941) — писатель, поэт, критик, переводчик, историк, религиозный философ, общественный деятель. Муж поэтессы Зинаиды Гippiус. Яркий представитель Серебряного века, один из основателей русского символизма.

Первая встреча в декабре (14 дек. 1910 года) на собрании, посвященном десятилетию со дня смерти В. Соловьева. Происходило оно в Тенишевском училище. Выступали Иванов, Мережковский, какие-то артистки, потом еще кто-то и Блок.

На эстраде он был высокомерен, говорил о непонимании толпы, подчеркивал свое избранничество и одиночество. Сюртук застегнут, голова высоко поднята, лицо красиво, трагично и неподвижно.

В перерыве мой муж ушел курить. Скоро вернулся, чтобы звать меня знакомиться с Блоками, которых он хорошо знал. Я решительно отказалась. Он был удивлен, начал настаивать. Но я еще раз заявила, что знакомиться не хочу, — и он ушел. Я зашла в глубину своего ряда и успокоилась.

Вскоре муж вернулся, но не один, а с высокой, полной и, как мне показалось, насмешливой дамой... и с Блоком. Прятаться я больше не могла. Надо было знакомиться. Дама улыбалась. Блок протягивал руку.

Я сразу поняла, что он меня узнал.

Он произнес: «Мы с Вами встречались».

Опять я вижу на его лице знакомую, понимающую улыбку.

Он спрашивает, продолжаю ли я бродить, как «справилась» с Петербургом.

Отвечаю невольно. Любовь Дмитриевна приглашает нас обедать. Услаиваемся о дне.

Слава Богу, разговор кончается. Возобновляется заседание.

Потом мы у них обедали. По его дневнику видно, что он ждал этого обеда с чувством тяжести. Я тоже. На мое счастье, там был еще кроме нас очень разговорчивый Аничков с женой. Говорили об Анатоле Франсе. После обеда он показывал мне снимки Нормандии и Бретани, где он был летом. Говорил о Наутейме, связанном с особыми мистическими переживаниями, спрашивал о моем прежнем. Еще мы говорили о родных пейзажах, вне которых нельзя понять до конца человека. Я говорила, что мой пейзаж — это зимнее бурное, почти черное море, песчаные перекаты высоких пустынных дюн, серебряно-сизый камыш и крики бакланов.

Он рассказывал, что, по семейным данным, фамилия Блок немецкого происхождения, но, попав в Голландию, он понял, что это ошибка, что его предки именно оттуда, настолько в Голландии ему все показалось родным и кровным. Потом говорили о детстве и о детской склонности к страшному и исключительному. Он рассказывал, как обдумывал в детстве пьесу. Герой в ней должен был покончить

с собой. И он никак не мог остановиться на способе самоубийства. Наконец решил, что герой садится на лампу и сгорает. Я в ответ рассказывала о чудовище, которое существовало в моем детстве. Звали его Гумистерлап. Он по ночам вкатывался в мою комнату, круглый и мохнатый, и исчезал за занавеской окна.

Встретились мы с Блоком, как приличные люди, в приличном обществе. Не то, что первый раз, когда я с улицы, из петербургского тумана, ворвалась к нему. Блок мог прийти к нам в гости, у нас была масса общих знакомых, друзей, у которых мы тоже могли встретиться. Не хватало только какого-то одного и единственно нужного места. Я не могла непосредственно к нему обратиться, через и мимо всего, что у нас оказалось общим.

Так кончился 1910 год. Так прошли 11-й и 12-й годы. За это время мы встречались довольно часто, но всегда на людях.

На «Башне» Блок бывал редко. Он там, как и везде, впрочем, много молчал. Помню, как первый раз читала стихи Анна Ахматова. Вячеслав Иванов предложил устроить суд над ее стихами. Он хотел, чтобы Блок был прокурором, а он, Иванов, адвокатом. Блок отказался! Тогда он предложил Блоку защищать Ахматову, он же будет обвинителем.

Блок опять отказался!

Тогда уж только об одном, кратко выраженном, мнении стал он просить Блока.

Блок покраснел — он удивительно умел краснеть от смущения — серьезно посмотрел вокруг и сказал: «Она пишет стихи как бы перед мужчиной, а надо писать как бы перед Богом».

Все промолчали. Потом начал читать очередной поэт.

Помню Блока у нас, на квартире моей матери, на Малой Московской. Народу много. Мать показывает Любовь Дмитриевне старинные кружева, которых у нее была целая коллекция. Идет общий гул. За ужином речи. Я доказываю Блоку, что все хорошо, что все идет так, как надо. И чувствую, что от логики моих слов с каждой минутой растет и ширится какая-то только что еле зримая трещинка в моей собственной жизни...

Потом, помню еще, как мы в компании Пяста¹, Нарбута² и Моравской в ресторане «Вена» выбира-

¹ Владимир Алексеевич Пяст (*Пестовский*) (1886–1940) — русский поэт-символист, прозаик, переводчик, теоретик литературы, один из биографов поэта А. Блока, с которым много лет дружил.

² Георгий (Егор) Иванович Нарбут (1886–1920) — русский и украинский художник-график и иллюстратор.

ли Короля Поэтов. Об этом есть в воспоминаниях Пяста. И этот период, не дав ничего существенно-го в наших отношениях житейских, сблизил нас, — скорее просто познакомил. То встреча у Аничковых, где подавали какой-то особенный салат из грецких орехов и омаров и где тогда же подавали приехавшего из Москвы Андрея Белого³, только что женившегося. Его жена показывала, как она умеет «делать мост», а Анна Ахматова в ответ на это как-то по-змеиному выворачивала руки.

И, наконец, еще одна встреча. Но тоже на людях. В случайную минуту, неожиданно для себя, говорю ему то, чего еще и себе не смела определить и сказать:

— Александр Александрович, я решила уезжать отсюда, к земле хочу... Тут умирать надо, а еще бороться хочу и буду.

Он серьезно и заговорщицки отвечает:

— Да, да, пора. Потом уж не сможете. Надо спешить.

Вскоре ОН заперся у себя.

Это с ним часто бывало.

Не снимал телефонную трубку, писем не читал, никого к себе не принимал.

Бродил только по окраинам.

Некоторые говорили — пьет.

Но мне казалось, что не пьет, а просто молчит, тоскует и ждет неизбежности. Было мучительно знать, что вот сейчас он у себя взаперти — и ничем помочь нельзя.

Я действительно решила бежать окончательно весной вместе с обычным отъездом из Петербурга. Не очень демонстративно, без громких слов и истерик, никого не обижая.

Куда бежать? Не в народ! Народ — было очень туманно. А к ЗЕМЛЕ!

Сначала просто будет нормальное лето на юге. Но осенью вместе со всеми не возвращаться в Петербург. Осенью на Черном море — огромные, свободные бури. На лиманах можно охотиться на уток. Компания у меня — штукатур Леонтий, слесарь Шлигельмильх, банщик Винтура. Скитаемся в высоких сапогах по плавням. Вечером по морскому берегу домой. В ушах — вой ветра, свободно, легко. Петербург провалился. Долой культуру. Долой рыжий туман. Долой «Башню» и философию. Есть там только один заложник. Это человек, символ страшного мира, точка приложения всей муки

³ Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев) (1880–1934) — русский писатель, поэт, критик, стиховед, один из ведущих представителей символизма.

его, единственная правда о нем, а может быть, и единственное, мукой купленное, оправдание его — Александр Блок.

Александр Блок 6 февраля 1909 года отправил Лизе Пиленко два письма-стихотворения, написанных, точно не словами, а белой акварелью. В одном, менее известном, — зарисовка встречи:

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем не уважительной к занятиям
Болтовней.
Она немедленно уронила на пол
Толстый том художественного журнала,
И сейчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места.
Все это было немножко досадно
И довольно нелепо.
Впрочем, она захотела,
Чтобы я читал ей вслух «Макбета».
Едва дойдя до пузырей земли,
О которых я не могу говорить без волнения,
Я заметил, что она тоже волнуется
И внимательно смотрит в окно.
Оказалось, что большой пестрый кот
С трудом лепится по краю крыши,
Подстерегая целующихся голубей.
Я рассердился больше всего на то,
Что целовались не мы, а голуби,
И что прошли времена Паоло и Франчески.

Другое — «Когда вы стоите на моем пути...» — стало хрестоматийным, пережило и автора и адресата...

Александр Блок «стоял на пути» Лизы Пиленко — Елизаветы Кузьминой-Караваевой — матери Марии (Скобцовой) со дня встречи и, может быть, до самой ее смерти. Именно так об этом рассказано в художественном фильме «Мать Мария»¹, который повествует о жизни Елизаветы Юрьевны в Париже после принятия

¹ Художественный фильм «Мать Мария» (1982) — режиссер С. Н. Колосов, в главной роли — народная артистка СССР Л. И. Касаткина.

монашества — собственно, о ее крестном пути и гибели.

...1945 год. Концлагерь. Мать Мария — седая и такая измученная — склонилась над тяжело больной заключенной: у молодой женщины остались трое маленьких детей, которых она должна найти. Женщина просит не дать ей забиться, мать Мария читает стихи, читает, даже когда ее ремнем по голове бьет фашистка-надзирательница:

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Разве я обижу вас?
О, нет! Ведь я не насильник,
Не обманщик и не гордец,
Хотя много знаю,
Слишком много думаю с детства
И слишком занят собой...

— Как вы можете в этом аду помнить стихи? У меня даже мысль костенеет, — говорит женщина.

— Непрестанно думайте. Думайте... — отвечает мать Мария.

— А чьи это стихи?

— Александра Блока. Они посвящены мне.

...Вдруг исчезает мрак. Все озаряется светом и солнцем. По осенней аллее идет юная гимназистка. И звучит голос молодого Блока:

...Ведь я — сочинитель,
Человек, называющий все по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.
Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах и началах,
Все же я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и небе.
Право, я буду рад за вас,
Так как — только влюбленный
Имеет право на звание человека.

Александр Блок, 1907 г.

За этот день, за каждый день отвечу, —
За каждую нежданную встречу, —
За мысль и необдуманную речь,
За то, что душу засоряю пылью
И что никак я не расправлю крылья,
Не выпрямлю усталых этих плеч.

Елизавета Кузьмина-Караваева

За царский путь и за тропу пастушью,
Но, главное, — за дани малодушью,
За то, что не иду я по воде,
Не думая о глубине подводной,
С душой такой крылатой и свободной,
Не преданной обиде и беде.

Е. Ю. Скобцова, 1920-е гг.

Мать Мария, 1933 г.

О, Боже, сжался над Твоею дочерью!
Не дай над сердцем власти маловерью.
Ты мне велел: не думая, иду...
И будет мне по слову и по вере
В конце пути такой спокойный берег
И отдых радостный в Твоем саду.

Мать Мария (Скобцова), 1933 г.

Икона Преподобномученицы Марии
Парижской

Икона Матери Марии Скобцовой

Слово о матери Марии

...Она прошла путем подлинного юродства во Христе: прожила, судя по человеческому разуму, безумно. Но разве не все Евангелие — «безумие» в глазах мудрых, опытных по-земному людей? Разве вообще любить, то есть совершенно о себе забыть ради Бога и ради ближнего не сплошное безумие? И разве не так — именно так нас любит Бог: до смерти и смерти крестной?

Она прожила в разрывающих душу и плоть противоречиях сострадания и ответственного несения своего христианского имени: любовью Любви ради, в умирании ради жизни, в отдаче своей жизни ради правды Царствия Божия. Ее образ будет становиться светлей и светлей, ее духовное значение будет для нас все возрастать по мере того, как мы начнем понимать последний смысл любви воплощенной и распятой.

Антоний, митрополит Сурожский

Изображение Матери Марии. Доска, масло.
К. Кривошеина, Париж, 2000 г.

Когда вы стоите на моем пути

А.Блок

В.Усачев

Не спеша, размышляя

Ког-да вы сто-и-те на мо-ём пу-ти, Та-ка-я жи-ва-я, та-ка-я кра-си-ва-я, Но та-ка-я из-му-чен-на-я,

Го-во-ри-те все о пе-чаль-ном, Ду-ма-е-те о смер-ти, Ни-ко-го не лю-би-те И пре-зи-ра-е-те сво-ю кра-со-

ту Что же? Раз-ве я о-би-жу вас? О, нет! Вель я не на-сил-ник, Не об-ман-щик и не гор-дец, Хо-тя мно-го зна-ю,

Слип-ком мно-го ду-ма-ю слет-ства И слип-ком за-ня-т со-бой. Вель я со-чи-ни-тель, Че-ло-

22
В
вск, на-зы-ва-ю-щий все по и-ме-ни, От-ни-ма-ю-щий а-ро-мат у жи-во-го цвет-ка. Сколь-ко ни го-во-

22
Pno.

26
В
ри-те о пе-чаль-ном, Сколь-ко ни раз-мыш-ляй-те о кон-цах и на-ча-лах, Все же, я сме-ю ду-мать, Что

26
Pno.

31
В
вам толь-ко пят-над-цать лет. И по-то-му я хо-тел бы, Что-бы вы влю-би-лись в про-сто-го че-ло-ве-ка, Ко-то-рый лю-бит зем-лю и

31
Pno.

35
В
не-бо-боль-ше, чем риф-мо-ван-ны-е и не-риф-мо-ван-ны-е ре-чи о зем-ле и о не-бе. Пра-во, я бу-ду рад за

35
Pno.

39
В
вас, Так как толь-ко влюб-лен-ный И-ме-ет пра-во на зва-ни-е че-ло-ве-ка.

39
Pno.

22

В

вск, на-зы-ва-ю-щий все по и-ме-ни, От-ни-ма-ю-щий а-ро-мат у жи-во-го цвет-ка. Сколь-ко ни го-во-

Pno.

26

В

ри-те о пе-чаль-ном, Сколь-ко ни раз-мыш-ляй-те о кон-цах и на-ча-лах, Все же, я сме-ю ду-мать, Что

Pno.

31

В

вам толь-ко пят-над-цать лет. И по-то-му я хо-тел бы, Что-бы вы влю-би-лись в про-сто-го че-ло-ве-ка, Ко-то-рый лю-бит зем-лю и

Pno.

35

В

не-бо-боль-ше, чем риф-мо-ван-ны-е и не-риф-мо-ван-ны-е ре-чи о зем-ле и о не-бе. Пра-во, я бу-ду рад за

Pno.

39

В

вас, Так как толь-ко влюб-лен-ный И-ме-ет пра-во на зва-ни-е че-ло-ве-ка.

Pno.